

Алинда Ивлева

ПО ТУ СТОРОНУ

ДУШИ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Алинда Ивлева
По ту сторону души

«Автор»

2020

Ивлева А.

По ту сторону души / А. Ивлева — «Автор», 2020

История о девушке, которая волею судеб вовлечена в поиски разгадки проклятия, передающегося по наследству обладателю медальона. Этот загадочный талисман ей достаётся случайно по приезду в Петербург. Вместе с героиней мы начнём распутывать клубок загадок. С первых строк понимаешь, что ответы кроются в деталях: в коридорах дореволюционных коммуналок мистического Петербурга и в эпизодах послевоенного времени. # Запутанный сюжет, динамически развивающиеся события оставят гамму положительных впечатлений от прочитанной первой части романа. # Здесь будут тайны и любовь, мистика, предательство и вера в лучшее. Содержит нецензурную брань.

© Ивлева А., 2020

© Автор, 2020

Алинда Ивлева

По ту сторону души

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Этот день не предвещал ничего хорошего. Лизка поняла это сразу после того, как под ноги бухнулась и разбилась вдребезги последняя чашка из хозяйского сервиза. «Опять опаздываю, итак на волоске от отчисления в Универе, Петруша опять в блокнотике своем меня на заметку поставит», – думала Лиза, наспех собирая осколки. На кухню вбежала с вытаращенными глазами соседка Любка, недовольная тем, что уже которое утро ей не дают выспаться после очередного ночного застолья. Во рту ее традиционно торчала папироса, которая периодически затухала и снова дымилась, но ничуть не мешала Любке продолжать увещевать нерадивую молодую соседку:

– Вот потому все мужики от тебя и разбегаются, что растяпа ты! Тонька приедет в выходные, устроит тебе, – Любка оскалилась своим беззубым ртом.

– Отстань, Люба, за собой смотри! – Лиза гремела разбитой чашкой в пакете. В нем уже почивали хозяйская хрустальная ваза из серванта и разбитое зеркало с входной двери. Наспех причесавшись и бросив быстрый взгляд на оставшееся еще целым зеркало в прихожей на стене, Лизка отметила для себя, что, несмотря на бессонные ночи, отражение ей нравится. В свои двадцать шесть лет она так молодо выглядит, что ей иногда отказываются продать спиртное в магазине, просят показать паспорт и удивляются. «Вся в маму», – думала Лизка, сбегая по лестнице. «Еще бы счастья мамино немножко!» Родители Лизаветы счастливо живут уже тридцать шесть лет, вырастили троих детей. Лизавета младшая и самая непутевая, как любит говорить ее отец. Старший брат Пашка уехал в 18 лет из родной Рязани в Москву поступать в институт международных отношений. Решил и поступил без проблем, красный диплом об окончании средней школы сыграл свою роль, а приложенные старания и полученные знания в сочетании с упертым характером помогли ему окончить этот самый институт и неплохо закрепиться в жизни.

Средний Колька после школы пошел служить в армию. Романтики ему захотелось, а юношеский максимализм подгонял и подстегивал. Не без участия своего родного дяди, полковника Рябова, он пристроился в хорошую часть под Ломоносовым, возил командира части, а по окончании службы успешно женился на его дочери. Николай зарекомендовал себя честным и исполнительным. Тесть помог зятю трудоустроиться в перспективную строительную компанию в Питере. Там он работает начальником Отдела Снабжения и по сей день, чем радуется своих родителей, молодую жену и ее родственников. Другое дело Лизка! Собирали единственную дочку старики, как на Северный Полюс: четыре огромные сумки с провизией на первое время и один большущий допотопный чемодан. Колька должен был встретить в Питере. Но до Питера Лизка так и не доехала. Девушка была натурой страстной, впечатлительной и доверчивой. В купе ее попутчиками оказались трое разговорчивых и веселых ребят. Они возвращались из командировки. Не успела Лизка расположиться, не без их помощи, на своей нижней полке, как на столике в купе расстелилась скатерть-самобранка с коньяком, шампанским, курой – гриль, солеными огурчиками и ароматным салом. Молодые люди услужливо, наперебой, предлагали симпатичной молоденькой девушке присоединиться к их компании, поддержать, так сказать, беседу. Лизавета, как девушка общительная, долго не отказывалась. Тем более, что уж очень приглянулся ей кареглазый, высокий, улыбчивый Роман. «Ехать целую ночь, не спать же ложиться, как старая бабуля», – думала Лизка, доставая и распаковывая аппетитные гостинцы, приготовленные заботливой мамой. Шутки, анекдоты, забавные истории не заканчивались в

арсенале трех друзей. А Ромка сидел уже совсем рядом, намекая, что девушка ему небезразлична.

Лизку по современным меркам считали старой девой в Рязани. Учитывая, что общение ее с мужским полом до этого заключалось только в «обнимашках» у подъезда своего дома. Родители строго бдели за ее целомудрием, мотивируя это тем, что приличный человек иначе замуж не возьмет. Братья, пока еще жили дома, отгоняли всех ее поклонников. Почувствовав волю и свободу выбора, Лизка отрывалась в компании малознакомых парней, позволяла себе кокетничать с понравившимся Ромкой и чувствовала себя раскованно, как вырвавшаяся из клетки птичка, но совершенно не соображала, правильно ли она поступает. Просто тогда ей хотелось делать все, что подсказывает сердце. Лизка, выпив приличное количество спиртного, уже позволила Роману приобнять себя и поцеловать в щечку, от этого она ощущала себя безумно взрослой и самостоятельной.

Тем временем один из ребят явно перебрал с дозой алкоголя и забрался на верхнюю полку, тут же вырубившись, небрежно распластавшись и раскинув руки в разные стороны. Роман, Алексей и Лиза остались коротать остаток ночи втроем. Алексея слегка раздражало, что все внимание девушки было обращено только на его приятеля, и он постоянно выходил в тамбур перекурить. Когда молодая парочка в очередной раз осталась вдвоем, а все спиртное было выпито, Роман притянул девушку к себе, порывисто наклонился и поцеловал ее в губы. Девушка от неожиданности хотела отстраниться, попыталась оттолкнуть наглеца. Роман схватил ее за плечи сильными ручищами. Парень остервенело и напористо пожирал ее губы. Одной рукой он придавил ее к стенке купе, а другой пытался сдернуть лифчик под кофточкой, но застежка не поддавалась. Лизка тихо рыдала, сквозь слезы умоляя оставить в покое, физических сил бороться с возбужденным мужчиной не хватало. Она брыкалась и выворачивалась, но парень как будто сошел с ума. Насильник все же справился с бюстгальтером, рванул его, разорвались хрупкие застежки на белье. Он кусал ее грудь так, словно она была единственной женщиной на земле. Рукой он в этот момент с силой зажал глупой доверчивой девчонке рот, чтобы не закричала. Этим моментом и воспользовалась Лиза. Она собрала остатки сил и вцепилась зубами в пальцы насильника. Роман едва успел расстегнуть ширинку на своих брюках, как острая боль прошила его руку. Вспышка ярости затмила остатки человечности.

– Кайфоломщица! – Заорал он и с размаху ударил кулаком Лизу в голову, несчастная потеряла сознание, из носа потекла струйкой кровь. Тело девушки без движения лежало на полке спешащего поезда Рязань-Петербург. Свихнувшийся Роман перевернул свою жертву на живот, стянул с нее трусики и вонзил свой возбужденный орган в невинное лоно. Девушка от новых болезненных, рвущих изнутри плоть, ощущений пришла в себя и закричала, что было мочи. Но голос свой она не слышала, он kloкотал в гортани сдавленными хрипами. Выход из непоправимой ситуации она нашла неожиданно: размышлять Лиза была не в состоянии, зато взглядом уловила перочинный ножик на столике. Братья всегда учили, на всякий случай, стоять за себя, за свою честь и достоинство до конца. Именно это она и сделала, схватив моментально ножик и вонзив его, не оборачиваясь, в трепыхающееся над ней тело. Ножик был небольшой, а силенок у бедняжки маловато, спасительный предмет угодил насильнику в предплечье. Он заорал от острой, пронзающей боли и выпустил жертву. Лизе казалось, что кошмар длился вечность, лишь потом выяснилось, что прошло всего пятнадцать минут. Это позже рассказал на допросе Алексей, который вернулся из вагона-ресторана, куда он ходил за добавкой для продолжения банкета. Алексей столкнулся в дверях купе с Лизаветой, которая с криками о помощи рванула по коридору вагона к стоп-крану, дернула его и поезд остановился. От резкого торможения начали просыпаться пассажиры, выскочила заспанная с опухшими глазами проводница. Среди толпы зевак моментально нарисовались начальник поезда и дежурный наряд транспортной полиции. Где были все эти люди раньше? Почему у нас никто никогда ничего не слышит и не видит, лишь бы его самого не коснулись неприятности?! Лиза

билась в конвульсиях от шока и ноющей боли в купе у проводницы. Та пичкала ее успокоительными и протирала полотенцем запекшуюся кровь на лице девочки. Полицейские вбежали в купе пострадавшей, но обнаружили только храпящего Василия на верхней полке, на нижней валялись скомканная, окровавленная простыня и маленький перочинный ножик. Вещей насильника и его друга не было. Разбудили пьяного Васю, сняли с поезда и доставили в ближайшее отделение. Он был единственным безучастным свидетелем, способным помочь следствию, которого теперь было не избежать. Лиза все еще рыдала в купе проводницы, навидавшейся за семнадцать лет работы на железной дороге всякого. Женщина гладила Лизу по ее густым, выщипанным волосам, приговаривая:

– Не плачь, моя хорошая! Сама виновата! Кто же пьет с мужиками незнакомыми! Повод, значит, дала, дура ты, молодая! Урок тебе! На вот, «Постинорчика» съешь, чтобы не оказаться в «неловком положении». Все забудется, а с мужиками поостроже, запомни на всю жизнь, тогда они тебя только уважать больше будут! Ты девка красивая, одна не останешься, я жизнь повидала, поверь, – закончила проводница утешать девушку, потому что та перестала плакать и теперь только поняла – начинается взрослая жизнь.

Пришлось Лизавете пройти все экспертизы с медицинским освидетельствованием и допросы. На следующий день за ней на машине, приехал брат Николай вместе с дядькой. Поскольку было возбуждено уголовное дело, Лизе запретили покидать место проживания и выезжать за пределы города. Затем, только благодаря связям полковника, ее отпустили в Питер после всех необходимых формальностей. Осталось только поймать насильника и его сообщника. Роман, как выяснилось позже, возвращался домой из мест не столь отдаленных, где отбыл срок за подобное преступление и вышел раньше срока по УДО за прилежное поведение.

Лиза мужественно прошла все этапы, являлась в суд и к следователю. Романа поймали, он набрался наглости и написал ей письмо из КПЗ с просьбой отказаться от своих показаний. Мол, сама виновата, напилась, так получилось – все! У подонка в строках написанной просьбы не было и тени раскаяния или сочувствия, а только страх за свою шкуру, точнее сказать – задницу. В тюрьме насильников «любят»!

Санкт-Петербург встретил Лизу встретил свинцовым небом и непроглядной серостью домов, улиц, людей. Казалось, мрак и сырость – это визитная карточка ее нового места жительства. Теперь, думала Елизавета, после того, что произошло, ей здесь самое место, чтоб прозябать в тоске, одиночестве, полным уныния и отчаяния из-за несбывшихся мечтаний и рухнувших надежд. Юность кончилась...

Николай всячески пытался поддержать сестру, успокаивая, что ее примут в Архитектурно-строительный институт, определят в общежитие, все наладится и забудется, как страшный сон. Но, к сожалению, девушке в это с трудом верилось. Хотела ли она того, чего желала совсем недавно? Она не могла ответить на этот вопрос даже самой себе.

Поначалу Николай поселил Лизу у себя дома, познаколив, наконец, со своей женой, которая была старше Лизы на пять лет. На первый взгляд, у девушек много общего, но Мария, жена Николая, встретила гостью сухо и надменно, как Коля ни просил изменить свою позицию по отношению к сестре. Мария была непреклонна.

– Сучка не захочет, кобель не вскочит! Нечего теперь носиться с ней, как с хрустальной вазой. Лучше о жене подумай, мне волноваться нельзя! – не унималась в очередной из вечеров на кухне Маша, ставя Николая в дурацкое положение.

– Я понимаю, виновата она или нет, сестра же все-таки, пусть, поступит и съедет сразу, ну потерпи, родная! – Коля пытался взять тайм-аут.

– Сколько терпеть? Год, два? Мне рожать скоро! На ее кислую мину мне противопоказано смотреть с утра до вечера! Белоручка, видите ли! Сидит в комнате, в магазин даже боится сходить, обед приготовить – не умеет, прибраться помочь – желания нет. Это не гостиница! – закончила свою тираду на повышенных тонах разгоряченная жена.

Лиза в этот момент выходила из ванной комнаты, и часть реплик Марии уловил ее слух. Она не сомневалась с первого дня в истинном отношении к себе родственницы. Тем же вечером у них с братом состоялся неприятный разговор. Коля чувствовал свою вину за жену, а Лиза не хотела никого стеснять и быть обузой:

– Коль, я домой вернусь, не могу я здесь больше!

– Ты что, совсем с дуба рухнула! Родители же ни о чем не знают, и знать не должны! Ты поняла? Хочешь родителей до инфаркта довести?! Точно малахольная!

– Не ори на меня, мне и без того тошно!

– Так если тошно, возьми себя в руки и устраивай жизнь, как надо, не перевешивай свои проблемы на других, большая девка уже, чтоб с тобой сюсюкаться!

– Легко тебе говорить, ты же мужчина! – расплакалась Лиза, уткнувшись в плечо брата, которое он тут же ей подставил и погладил мозолистой теплой рукой по щеке.

– Лизок, не обижайся на нас! Чем меньше мы будем жалеть тебя, тем быстрее ты забудешь все! Понимаешь, в жизни и не такое встречается, просто иди дальше и не оборачивайся. Я не хочу, чтобы ты в панцирь себя загоняла и сидела там, как улитка. Я люблю тебя!

На следующее утро Мария подскочила на кровати от грохота на кухне, Коля уже был на работе. Воры – первое, что пришло на ум мнительной женщине. Та бросилась опретью в кухню. Кособокая стремянка, как легкоатлет, добежавший к финишу первым, валялась кверху ногами. Лиза, обхватив себя руками за щуплые плечи, сидела на кафельном полу среди посуды, тарелочек расписных, любимых синих чашечек Марии из кофейного сервиза. Навесной шкафчик, развалившийся на части, больше походил на судно, выброшенное на берег после столкновения с рифами.

– Я пыль вытирала, там под потолком ее столько скопилось, – попыталась реабилитироваться девушка. Слезы предательски лились соленой стружкой.

– Растяпа ты! Кто тебя просил? На своей кухне порядки наводи! – как иерихонская труба, горланила Маша.

– Я все уберу, тебе нервничать нельзя! – попыталась оправдаться Лиза

– Не прикасайся тут больше ни к чему!

Лиза в слезах вылетела с кухни и закрылась в своей комнате.

В голове путались мысли, мозг тщетно пытался найти решение. Обида и досада захлестнули все ее существо, за что ее так не любят?

В этот момент во входную дверь позвонили.

– Колька! – уже было обрадовалась Лиза. Но тут же упала на диван, рыдая. Ведь Колька больше не тот любящий и всегда находящийся рядом брат, он теперь глава семьи, другой, чужой.

Он, конечно, примет не ее сторону. Опять скажет – непутевая!

Неожиданно дверь распахнулась, и в комнату влетел старший брат Павел. Подтянутый, элегантный, мужественный и всегда дипломатичный. Ее Пашка.

– Сестренка моя любимая, выбрался сразу, как смог! Извини, дел много! Ну как ты, роднуля моя, рассказывай! Надеюсь, призраки прошлого тебя не беспокоят? Ну что ты? Все будет хорошо, не плачь! – Они обнялись так крепко, словно они уже никогда больше не увидятся еще. Павел на несколько мгновений стал простым и душевным рязанским парнем, которым его помнила Лиза. Они так давно не виделись, им было, что рассказать друг другу. Когда-то они были очень дружны. Павел всегда был более понимающим и тонко чувствующим челове-

ком, нежели Колька, которому были присущи больше резкие, явно выраженные мужские черты характера.

Семейную идиллию прервали причитания и громкие возгласы с кухни, по всей видимости, Маша так и не смогла успокоиться от медвежьей услуги своей любимой золовки. Только Павел предстал перед взглядом беременной женщины, как на него тут же обрушился весь шквал эмоций и негатива. Павел имел, конечно, большой опыт в общении с людьми, но влезать в женские дразги, по его мнению, занятие неблагодарное, даже если одна из этих барышень его сестра:

– Так, девочки, вопросы кухни решайте без меня! Машенька, не нервничай, дорогая, если вся причина твоего недовольства кроется в присутствии здесь Лизы, то обещаю – в ближайшее время решу этот вопрос, буквально до моего отъезда!

Маша недовольно фыркнула, развернулась и вылетела с кухни, чуть не сбив с ног стоящую в проходе Лизу. Стало ясно одно – здесь больше оставаться нельзя, лучше на вокзале с бомжами, чем под одной крышей с такой родней.

Павел похлопал ободряюще свою сестру по плечу и дал слово, что до вечера обязательно придумает что-нибудь и даст знать. С этими словами он, громко хлопнув дверью, вышел из квартиры по-английски, дав понять «гостеприимной» хозяйке, что ее поведение возмутительно, и он не разделяет позицию Марии.

Несчастливая Елизавета уже устала плакать, слезы будто высохли, а вместе с ними и ее душа. Не с кем ей в этом городе поделиться своими чувствами, никто даже не пытается понять девушку. В упадническом настроении она наспех покидала свои пожитки в одну большую сумку и решила ехать на вокзал. Хорошо, что в кармашке джинсов была заветная купюра достоинством в 100 у.е., которую Павел предусмотрительно сунул Лизе перед уходом в ладошку, на мелкие расходы.

– Очень кстати, – размышляла девушка, спускаясь в лифте многоэтажки.

Лизку уже не так пугали неизвестность и этот большой город, кишачий людьми всех национальностей с разным цветом кожи. Ее почти не пугали многочисленные проспекты и узкие улочки, обилие машин, проносащихся с бешеной скоростью по КАД, пробки в «час пик», в общем, все то, чего никогда не увидишь в ее родной Рязани. Для Лизаветы страшнее всего сейчас было ощутить непонимание и отсутствие поддержки родных и близких людей. Земля будто уходила из-под ног. Не стало прочного фундамента из сложившихся ценностей и взглядов, будто этот город отформатировал ее суть и перезагрузил на другой уровень жизни. В ее голове вся эта новая жизнь превратилась в какое-то месиво, бесформенное и склизкое. Не складывались в пазлы мысли, логические цепочки не выстраивались. Как жить дальше?! Всю свою жизнь, до ужасного происшествия в поезде, она прожила под крылышком родных, не сделав ни одного самостоятельного шага, не задумываясь о собственном будущем. Беззаботность и юность канули в лету.

Уже на вокзале, сидя в зале ожидания, девушка обратила внимание на странную женщину, лежащую напротив нее на железных сидениях. Старуха очень напоминала скрюченную мумию из склепа. Лизка взяла себя в руки и выдохнула воздух из легких, сказав себе, что решение всегда есть. Как жить? Ну уж нет, так, как эта сморщенная и грязная, опустившаяся на дно жизни бабулька, она точно не будет. В этот момент глаза бродяжки распахнулись, как окошки темницы в яркий солнечный день. Лизка растерялась, увидев на испещренном глубокими старческими морщинами лице молодявые глаза цвета синего неба, пристально смотрящие на нее из-под красного тканого платка. Лизу передернуло от этого пронзительного,

пронизывающего насквозь взгляда. Она попыталась отвернуться. Тут глаза-сканеры померкли, потускнели, и до девушки донесся голос, словно из загробного мира:

– Не связывайся с ними, они не прощают! – прокрипела старуха. Лизке стало жутко, бродяжка явно была не в себе. От оцепенения и холодящего изнутри ужаса ее освободил внезапно, словно из-под земли, появившийся молоденький сотрудник полиции. Из-под его фуражки, заливчатски надетой чуть набок и назад, выбивались светлые кудри. Он походил больше на дружелюбного и веселого тракториста из колхоза «Путь Ильича», чем на представителя власти. Но поведение его резко контрастировало с внешним обликом. Парень оглянулся по сторонам и со всей дури ударил старуху ногой в живот. Лиза попыталась закричать и остановить гада, который избивает среди бела дня невинных людей. А сержант продолжал пинать и колотить дубинкой лежащую женщину, опасливо озираясь по сторонам:

– Слышь, Катастрофа, по-хорошему говорю, проваливай с моей территории. А то снова в лес вывезут! – сквозь зубы цедил угрозой полицейский.

Лизка в ужасе от увиденного беспредела хотела было рвануть к постовым в дежурку у вокзала, но подошедшая женщина, по всей видимости, работающая здесь кем-то из технического персонала, остановила ее и отвела в сторону:

– Это «Люська – Катастрофа». Там, где она появляется, несчастья начинаются. Все боятся ее, а выгнать не могут. Ее и в лес увозили, и в другой город, и в приют сдавали, даже в тюрьме она сидела. Но всегда возвращается сюда! Люди говорят, у кого с ней дороги пересекутся – жди беды! Так что не повезло тебе, спаси, Господи! – И странная женщина быстро удалилась, оставив Лизку в полном недоумении с липким ощущением страха перед необъяснимой жестокостью. Хотя, бывает ли оправдание или объяснение жестокости?

А старуха тем временем каталась по полу и истошно хрипела. Сквозь эти странные звуки, больше похожие на воронье карканье, Лиза услышала плохо различимые слова: «Убейте меня, убейте меня, не могу больше жить!» Лизка схватилась за голову – психика не выдерживала накала эмоций, и рванула к выходу с вокзала, забыв вещи в зале ожидания.

Вдохнув уличный, бодрящий свежестью осени, воздух, она поняла, что ее трясет от нервного перенапряжения. И тут Лиза вспомнила о брошенных на скамье вещах. Их уже могли утащить. Вернувшись, она нашла сумку и рюкзак целехонькими, а вот вихрастый сержантик лежал, распластавшись на полу. Из его рта вытекала пена. Парень был мертвенно бледен, без признаков жизни. Стеклянные глаза широко раскрыты, будто перед смертью они увидели сатану, в них застыл ужас от неизбежности конца. Старухи нигде не было видно. Толпа зевак обступила умершего, повсюду слышался леденящий душу шепот о том, что «Катастрофа» не прощает. Жалко, мол, Стасика, он винил старуху в смерти своего напарника, который неделей раньше чуть не сбил бродягу на своей машине. Она кинулась прямо под колеса его автомобиля, была дождливая погода, машина потеряла управление. Хотя у молодого человека был большой опыт вождения, в тот момент железным конем словно управляла неведомая сила. От удара газели, врезавшейся в бочину новенькой KIA, которой управлял этот парень, он вылетел в лобовое стекло прямо на встречку. Свидетели аварии потом толком не могли ничего объяснить, будто невидимый кукловод дергал за ниточки и управлял людьми, транспортом и очевидцами. А старуха, ставшая причиной многих несчастий, сидела на тротуаре, цела и невредима, выла как собака, раскачивая, как умалишенная, головой в тканом красном платке. По вокзалу давно распространялись слухи о женщине-«катастрофе», от которой, если пути пересекутся, жди несчастий. Никто не знал, откуда и когда она взялась и зачем здесь появилась. Местные бомжи говорили разное. Одна проститутка с площади Восстания, можно сказать, старожил местной «Мельпомены», рассказывала, что ждет бабка здесь кого-то. И, пока она не дожидается, Бог не заберет ее к себе. Несет людям одни беды, ибо в молодости была проклята на одиночество. Кто приблизится к ней, того ждет беда!

Лизка похватила свои пожитки и побежала прочь от проклятого места. От гнетущих мыслей ее отвлек звонок сотового. Звонил Пашка:

– Где ты, сестра? Мы уж всякое тут думаем. Где? Не уходи никуда! Я через полчаса буду! Нашел тебе жилье на первое время!

– Хорошо, братик, приезжай скорее, иначе я здесь с ума сойду, здесь такое творится!

Лизка с вещами расположилась на автобусной остановке в ожидании, что эти мытарства закончатся. Немного успокоившись, она стала разглядывать проходящих мимо ярко и модно одетых девушек, спешащих куда-то. Вдруг ее взгляд упал на женщину, лежащую недалеко от остановки.

– Боже, неужели мне не избавиться от этого кошмара?! – оцепенела Лизка, увидев знакомый красный платок и грязный, обшарпанный плащ. Но любопытство возобладало над первобытным страхом и осторожностью. Лизвета медленно подошла к женщине и наклонилась над ней. Та же точно ожидала увидеть ее снова, села, как зомби, на асфальте, быстро достала что-то из кармана и протянула ей. Это был грязный скомканный сверток.

– Возьми, это тебе, дождалась, – ее голубые глаза пристально уставились на девушку. Лизе они показались такими родными и знакомыми. Она мысленно стала перебирать в закоулках памяти всплывающие образы из юности, лица знакомых, родственников. Пока Лиза силилась вспомнить, где она видела этот взгляд, налетела внезапная буря. Все потемнело, небо разверзлось, полил сплошными струями ледяной колючий дождь, столбом подняв с земли пыль, которую ветер закружил и бросил в глаза испуганной девушке. Та с трудом устояла на ногах. Протерев глаза от грязи и присмотревшись, Лизвета от неожиданности чуть не потеряла дар речи. Дождя, как и не бывало! Небо светлое и чистое, и только несколько черных тучек стремительно уносились по небу прочь, будто опаздывали с важным донесением в царство тьмы.

– Небывальщина какая-то! – Лизка хотела было перекреститься, но вспомнила про сверток в правой руке. Она поспешно развернула его.

В тряпичном лоскуте лежал пожелтевший клочок бумаги, перевязанный тесьмой. Лизка аккуратно развязала тесемку и обнаружила странный медальон с плохо просматривающимся от времени изображением. Что таит в себе этот кусочек металла? И тут девушка вспомнила о несчастной женщине. Повернувшись, она обнаружила бабку с потухшим взглядом синих глаз. Сейчас ввысь уставились помутневшие, серые и безжизненные зрачки. Лиза наклонилась поближе и поняла, что старушка не дышит. Только стая собак остервенело залаяла в их сторону и помчалась прочь, продолжая тявкать и завывать. В этот момент позади себя Лизвета услышала родной голос:

– Лизок, вот и я! Куда ты опять вляпалась, непутевая ты моя?! – Пашка обнял сестру за плечи и повел быстрее к своей машине, – у меня очень мало времени, я тебя определю, и надо ехать. Познакомлю тебя с Антониной Михайловной, она наша дальняя родственница с Украины, у нее две комнаты в коммуналке, здесь, недалеко от метро. Она на пенсии, нуждается, я ей за полгода вперед оплатил твоё проживание, да и под присмотром будешь! – Павел чмокнул Лизу в щеку.

– Спасибо тебе, братик, со мной тут такое приключилось...! – начала было Лиза, но брат перебил ее, сказав, что обо всем этом они обязательно поговорят, но в другой раз.

Дом, где Лизе предстояло жить ближайшие полгода, как минимум, вызывал противоречивые чувства. Он был когда-то помпезно красив и величественен, ходил на старинный замок со своими остроконечными башенками, окна были такие маленькие и узкие, что напо-

минали бойницы. Кирпичная кладка сохранила первозданное состояние с позапрошлого века, но облицовочный материал потерял цвет, из-за этого дом выглядел угрюмо и зловеще, тая в себе многовековую тайну чьих-то судеб. Винтовая лестница с чугунными витиеватыми перилами и парадный вход с мозаичными изразцами на стенах напоминали о том, что здесь когда-то проживали состоятельные люди. Если приглядеться, можно было заметить заложенный кирпичами камин в стене. Пол, выложенный потертым мрамором, казалось, впитал в себя истории разных поколений и эпох. Лизка с Павлом поднялись на последний пятый этаж, это оказалась мансарда. Квартира, где проживала Антонина Михайловна, была огромной и неудобной, с резким запахом плесени и сырости, вперемежку с табачным дымом; темной, как казематы Петропавловской крепости, в которой Лизвета успела побывать на экскурсии с Колькой. Это была почему-то единственная вылазка в город, на которую она согласилась. Эти казематы произвели на нее такое же впечатление, как и эта квартира, в которой, как выяснилось, есть два выхода, два туалета и целых 11 комнат. О том, сколько же здесь живет народа, она даже не хотела задумываться.

Антонина Михайловна встретила дальних родственников с чрезмерным радушием, что выглядело не очень естественно, но Лизка не придавала этому значения. Павел занес вещи в комнату, которая предназначалась Лизе, попрощался, пообещав вернуться с проверкой как можно скорее. Он настоятельно порекомендовал сестре в ближайшее время подойти к ректору СПбГУ, оставил данные, как с профессором связаться.

– Надо же определяться в жизни, Лизок, факультет выберешь сама, все остальное я улажу! – констатировал Павел, обняв сестру и тепло поблагодарив за помощь троюродную тетку, седьмая вода на киселе, но все же родня.

Кот Пуша шмыгнул под шкаф. Черный пушистый комок взерошился и зашипел на гостью из своего укрыва.

– Что-то не понравилась ты ему, племянница! Будет кидаться, терпи, бить Пушка не смей. Усвоила? – Пушенька, мальчик мой, иди к мамочке, – и старая женщина полезла под шкаф доставать своего любимца, но кот не собирался покидать надежное место и еще более злобно заурчал. Лиза попыталась с другой стороны выманить испуганное животное, но тот вжался в угол за многочисленными коробками, и только жутко светились в темноте желтые глаза. Неожиданно раздался странный щелчок, и погас свет в комнате. Антонина Михайловна схватила табурет и понеслась с криками в коридор:

– Опять пробки повывлетали, а мне одной больше всех надо! За свет одна плачу, а пользуюсь все! Дармоеды! – забравшись на табурет, она попыталась нажать автоматическую кнопку включения на счетчике, но из него повалил дым. Раздался странный треск, счетчик засверкал причудливым фейерверком неоновых искр. Почуввав удушающий запах плавящейся пластмассы, повыскакивали из комнат соседи. Начался невероятный шум и гам. Напуганная Антонина Михайловна предположила, что загорелась старая проводка. Занервничала, проклиная старый дореволюционный дом и его архитектора. Неудачно повернувшись на своем постаменте, грохнулась на паркетный пол. Замелькали по длинному коридору, на котором легко можно изучать балетные па, фонарики и зажженные свечи из запасов. Упавшая женщина стонала, кряхтела, но не звала на помощь. На шум выбежала Лиза, попыталась поднять тетушку, но та осерчала еще больше, и поковыляла в комнату сама. В темноте она ориентировалась не хуже кошки. Сразу понятно, в квартире она себя чувствует хозяйкой и знает каждый уголок и щелочку. Вызванный электрик пришел часа через два и развел руками:

– Чертовщина какая-то! У вас все в порядке с напряжением, электричество поступает, перебоев нет, счетчик недавно меняли, замыкания нигде на линии нет! Будем ждать... – не очень профессионально вынес вердикт специалист и ушел. К вечеру свет зажегся сам по себе, чем вызвал шоковое состояние у обитателей квартиры. Тетка же лежала все это время в кровати, изображала из себя жертву террора, охала и бурчала, но нога ее опухла и синела на гла-

зах. Кот Пуша набрался смелости, вылез из убежища и урчал возле хозяйки на постели, боязливо поглядывая на Лизу. Когда свет включили, девушка побежала на кухню ставить чайник, чтобы хоть как-то угодить тетушке. В тот день она впервые увидела его. Сына соседки Любки. Девушка застала его пытающимся, с матерком, отдраить заскорузлый общественный противень от жира и гари в общественной, такой же грязной, раковине. В наушниках он не сразу услышал, что Лиза неуверенно просила уступить единственный рабочий кран с водой, чтоб налить воды в чайник. Противень скорей всего принадлежал первым хозяевам квартиры, профессорской семье, которые жили здесь в конце прошлого века. Он уже настолько не поддавался столь редкой санобработке, что Артур в сердцах бросил его в раковину, резко развернулся и хотел выйти на лестницу для перекура, когда увидел ее. Перед ним стояла прекрасная незнакомка с необыкновенно голубыми грустными глазами и черными, как вороново крыло, волосами. Она продолжала что-то лепетать, а он стоял, как зачарованный, и смотрел в глаза девушки, не отрываясь. Потом будто спала пелена с затуманенного рассудка и растерявшийся сосед, молодой и симпатичный, вынул из ушей музыку и представился.

Так они встретились. Лиза, назвав свое имя, оторопело уставилась на молодого человека, затем быстро набрала воды в чайник, поставила его на плиту и убежала в комнату, как дикая лань. Будто замороженный, Артур остался пребывать в недоумении, рассуждая, откуда в этом захолустье оказалась прекрасная фея.

После этих невероятных мистических зигзагов судьбы жизнь Лизы менялась стремительно. Компашка подобралась в квартире весьма разнообразная. Любка – заводила, дебоширка, редко бывающая трезвой, не работала и жила тем, что собирала у себя в гостях совсем непривлекательный люд, таких же прожигателей жизни и любителей содержимого чужих карманов. Попойки и сборища бывали здесь частенько, ошивались и проститутки с Московского вокзала, и наркоманы оттуда же, и менты местные захаживали за долей малой. Так что оставшимся соседям, пытающимся вести здоровый образ жизни, жаловаться было некому, а бороться с этой гопотой было невозможно. Таких, как Любка, надо или уничтожать, или терпеть их пребывание на этой брэнной земле для баланса. Они терпели: Антонина Михайловна, бабулька Серафима Ларионовна, Катя с дочкой Маришкой. А еще сын Любки, Артур, названный в честь любимого актера 60-х Артура О' Коннела. Артурчик бывал здесь очень редко, жил отдельно, снимал квартиру – с матерью жить не получалось по определению, как часто выражался молодой человек, емко и лаконично!

Когда отец Артура погиб в автомобильной аварии, мать его стала сильно за воротник закладывать, появились закадычные друзья по застолью, нашлись и «советчики», что кинули Любку и ее маленького десятилетнего сына на хорошую, по тем временам, «трешку» на Гражданке. Повезло, черные маклеры сына пожалели и предоставили им комнату в этой злосчастной квартире на Ковенском переулке. Весь сброд с ближайшей округи чувствовал себя здесь, как дома, но только не Артур. Он жалел мать, даже в чем – то оправдывал ее поступки. Однако, вырастила его улица и посторонние, добрые люди. Они же помогли после 10 класса пойти служить в ВДВ. Парень был столь же харизматичен и талантлив, как и его тезка из прошлого его родителей. А потом его затянула армия и небо, и он поступил в Ульяновское летное училище. В небе он забывал обо всем. Сейчас работал на гражданке. Он жил небом, быт и земные проблемы его интересовали мало, поговорка из известного фильма с невероятной точностью характеризовала Артура: «Первым делом самолеты, ну а девушки, а девушки, потом». Единственным минусом молодого человека была его патологическая любовь к чистоте. Если он заезжал к матери, то выпроваживал всех ее так называемых друзей – собутыльников восвояси, и, засучив рукава, принимался за уборку. В эти моменты он никого не видел и не слышал.

Постепенно Лизка обживалась в своем новом пристанище, тетушка благосклоннее стала к ней относиться. Тем более, что любимый кот перестал гадить по углам с появлением в доме новой жилички, а Антонина Михайловна все недоумевала: сколько лет она билась с этой напастью, а здесь раз – как по мановению волшебной палочки, и Пуша стал ласковым и послушным. Вечерами Лизка и одинокая когда-то женщина чаевничали и «отогревали» друг другу души. Со временем девушка стала забывать свои злосчастия и начала чувствовать радость от житейских мелочей, от солнышка в окне по утрам, от улыбки тетушки при встрече, от самостоятельно приготовленного ужина и первого в своей жизни ремонта в комнате у благодарной ей за это тети Тони. Зацахшие цветы на подоконниках, словно в сказке, стали с появлением Лизы разрастаться и цвести, радуя пожилую женщину.

К осени Лизвета пристроилась не без помощи небезызвестного профессора Лебедева в университет на выбранный ею факультет психологии. Ее давно интересовало это научное направление, ей захотелось докопаться до некоторых закоулков человеческой души, чтобы больше понимать себя и, возможно, помочь тому, кто нуждается в этом. Помочь тем, кто самостоятельно справиться с бедой или стрессом не может, кто одинок и запутался. Ей очень хотелось быть нужной и полезной.

Про лоскуток в медальоне она и думать забыла, положив, не глядя, вместе со своими украшениями, простенькими и немногочисленными безделушками, в шкатулку. Единственный, о ком она стала думать в последнее время все чаще – это Артур, которого она не видела с их первой встречи уже год. Появились новые знакомые из однокурсников по университету. Коротко стриженный, с ершиком непослушных, пружинистых волос всех оттенков настоявшегося рома, с выбритыми висками, выделяющими мужественные скулы, парень, не выходил из ее головы. Его голос и загадочный прищур, хотя они обмолвились всего парой фраз, запустил невидимый таймер, отсчитывающий дни календаря, дни, когда Лиза перестала замечать других парней. Будучи на втором курсе, Лизка всерьез заинтересовалась темой старинных обрядов, заговоров и влияния их на современную жизнь. Магия – правда или вымысел? Она стала собирать вырезки из журналов, газет, перелопатила массу литературы на эту тему. Тетушка недовольно ворчала, чтоб не лезла Лизка в эти дебри. Это другой мир, темные силы не прощают того, кто в их мир без приглашения входит. Не просто так ведь Бог всех гадалок да чернокнижников проклял, а языческие обряды и заклинания иноверием считаются. Вот тогда-то Лизка, благодаря теткинским предупреждениям, вспомнила те странные слова: «Они не прощают!», сказанные «Люськой – катастрофой».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.